
Понятие нацистской морали: вызов моральной философии

© 2021 г. О.П. Зубец

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: olgazubets@mail.ru

Поступила 28.01.2021

Мысль об Аушвице не может не быть моральной, но Аушвиц обернулся дискредитацией самой идеи морали, крахом всего ее понятийного содержания. Один из главных вызовов заключен в понятии нацистской морали: доминирующее в обыденном сознании и этике понимание морали не позволяет рассматривать его как оксюморон. На это указывают обильная моральная риторика, озабоченность моральными проблемами, наличие всего, с чем связана идея морали, – норм, ценностей, доминирования долга над склонностью, апелляции к моральной императивности и совести, идеи добра и зла, блага, образов и перечней добродетелей, моральной оценки себя и других, идей достоинства, ответственности, примата морали над правом. Идея борьбы со злом, образ которого задан идеологией нацизма, стала моральной основой Аушвица, воспроизводя логику «справедливой войны». В основе нацистской морали лежит разрыв между добродетельным человеком и его деянием, позволяющий совершающему убийство не становиться убийцей и по собственным, и по общественным меркам. Убийство тоже мыслится расчлененно: доминирующее значение имеют его мотивы и способ осуществления, которые должны быть «гуманными», щадящими и для убийц, и для жертв, а значит, и морально санкционированными. Автор показывает, что мораль является важной составляющей механики Аушвица. Нацистской морали не противостоит никакая иная развернутая мораль, но лишь индивидуальный поступок спасения, не опосредованный моральной идеологией. Отвержение понятия нацистской морали замыкает идею морали на не-убийство как до-вне-моральное *начало*, не являющееся нормой или запретом, опосредованным моральными идеями.

Ключевые слова: моральная философия, Аушвиц, этика, этика после Аушвица, мораль, нацистская мораль, моральная идеология, зло, совесть, добродетель, моральный императив, поступок, убийство, не-убийство.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-68-79

Цитирование: *Зубец О.П.* Понятие нацистской морали: вызов моральной философии // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 68–79.

The Concept of Nazi Ethic: Challenge to Moral Philosophy

© 2021 Olga P. Zubets

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: olgazubets@mail.ru

Поступила 28.01.2021

Thinking about Auschwitz is bound to being moral, but Auschwitz turned into a challenge to the very idea of morality, the collapse of its entire conceptual content. One of the main challenges lies in the concept of Nazi ethic: the prevailing understanding of morality in everyday consciousness and moral rhetoric does not allow us to consider it as an oxymoron. This is indicated by abundant moral rhetoric, preoccupation with moral problems, the presence of everything which the idea of morality is connected with – norms, values, the dominance of duty over inclination, appeal to moral imperativeness and conscience, ideas of good and evil, images and lists of virtues, moral evaluation of yourself and others, ideas of duty, dignity, responsibility, the primacy of morality over law. The idea of fighting evil, the image of which is set by the ideology of Nazism, became the moral basis of Auschwitz, reproducing the logic of a “just war”. At the heart of Nazi morality there is the gap between a virtuous person and his deed, which allows that killing does not makes someone a murderer. Killing is also seen dividedly: the most important are its motives and how it is done, which should be “humane”, clement both for the murderers and for the victims, and therefore morally sanctioned. The author shows that morality is an important part of Auschwitz mechanics. Nazi morality is not opposed by any other expanded morality, but only by individual actions of rescue, not mediated by moral ideology. Disallowance of the concept of Nazi morality closes the idea of morality to non-killing as a pre-non-moral beginning that is not a norm or a prohibition mediated by moral ideas.

Keywords: moral philosophy, ethics, Auschwitz, ethics after Auschwitz, morality, Nazi ethic, Nazi morality, moral ideology, evil, conscience, virtue, moral imperative, act, killing, non-killing.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-68-79

Citation: Zubets, Olga P. (2021) “The Concept of Nazi Ethic: Challenge to Moral Philosophy”, *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2021), pp. 68–79.

Разум редко сталкивается с тем, по отношению к чему он ощущает свою вторичность и даже бессилие. Таковым стало разрушительное лиссабонское землетрясение, повлиявшее на философию Просвещения: оно «излечило Вольтера от теодицеи Лейбница» (Адорно), стало «проверкой аксиомы “все благо”» (Вольтер), смутило Гёте («Бог... поступил в этом случае вовсе не по-отечески, поразив одинаково гибелью и добрых, и злых»), породило критику городского способа жизни Ж.-Ж. Руссо, заставило усомниться в идее незыблемых оснований, в том числе и философских (например, идей Декарта), повлияло не только на научные изыскания Канта (теория о естественных причинах землетрясения), но и на его этическое учение. Именно с этим землетрясением сравнивают Аушвиц. Аушвиц – не только катастрофа, разрушающая средства для оценки масштаба разрушений (Лиотар), но то, что «разрушило для спекулятивного метафизического мышления само основание возможности соединить это мышление с опытом» [Адорно 2003, 323]. Разум дискредитирован своим участием

в катастрофе; разрушены не только рационально-технические возможности измерения, но и моральные основания оценки произошедшего как зла, в силу того что сама дихотомия добра и зла являлась ценностным основанием Аушвица, важнейшим элементом его механики. Аушвиц, будучи *человеческим* деянием, ставит под сомнение все формы человеческой деятельности, разрушая их основания. Разум здесь становится заложником мышления как поступка, невозможного без ответа на вопрос, как возможно мышление того, кто совершил немыслимое (см.: [Зубец 2020]). Мысль об Аушвице не может не быть моральной, но Аушвиц как катастрофа идеи морали, крах всего ее понятийного содержания задает и исходную точку морального мышления, стоящего перед этим вызовом.

Следует оговорить, что *Аушвиц* – слово-код, слово-пароль для философии «после». Это не понятие, так как не только не требует, но и не допускает теоретического определения, предполагающего рядоположенность подобным ему и обобщение (его «невозможно свести к чему-то иному», по Бадью): например, к нему неприменимо определение «величайший геноцид» [Roth 2015, 191]. Скорее, его можно считать именем собственным, выражающим единственность, подобную единственности поступка, а не эмпирического факта. Единственность ни с чем не соотносимой предельности, с которой, тем не менее, всё соотносится (А. Бадью).

Ханна Арендт описывает произошедшее с моралью в нацистском обществе как коллапс («обратилась в руины»). «Полный коллапс морали, случившийся при гитлеровском режиме с добропорядочным обществом, может научить нас тому, что в таких обстоятельствах те, кто лелеет ценности и твердо держится моральных норм, не надежны: теперь мы знаем, что моральные нормы могут поменяться в один миг, и у этих людей не останется ничего, кроме привычки чего-нибудь держаться» [Арендт 2013, 78]). Но *лелеяние ценностей и твердое следование моральным нормам* и есть то, что чаще всего понимают под моралью. Является ли мгновенная смена того, что можно было бы назвать моральной идеологией, того, что наполняет идею зла и блага, разрушением морали? А то место, какое, согласно многочисленным свидетельствам, занимают в нацистском обществе моральная риторика и апелляция к морали, еще менее позволяет говорить о разрушенности морали. Это общество никак нельзя назвать морально нечувствительным – в нем присутствует все, что и обыденное сознание, и философская мысль традиционно связывают с моралью. Для Арендт за Аушвицем стоит человек, подчиняющийся социальным нормам или чужим приказам и решениям – то есть ничто, бессубъектность. Тогда почему этот человек так стремится найти моральные основания своих действий? Как пишет Джон Рот, «было бы слишком удобно считать, что характерная для нацистской морали смесь верности, веры, героизма и даже любви к стране и идеалу была просто пассивным, бездумным послушанием» [Geddes, Roth, Simon (eds) 2009, 16]; нацисты «не были бездумно послушными, они поступали, ориентируясь на то, что они считали правильным и хорошим» [Roth 2005, 85].

Аушвиц определяется Арендт как радикальное зло («реальный ад, практическое зло» у Адорно, «эталон просто Зла» и «предельное Зло» у Бадью) – то, чему в абсолютном смысле отказано в праве быть, – однако само понятие зла составляет сердцевину моральной идеологии, содержательной основы Аушвица, задействовано в его механике, что затрудняет апелляцию к нему.

Вынесение Аушвица за пределы морали в том смысле, что она в нем терпит крах и уступает место иным основам, вызывает сомнение еще по одной причине: общепринятым стало утверждение, что Аушвиц – плод замыслов и действий не каких-то патологических личностей, а самых обычных людей, но при этом им отказывают в моральном качестве. Что тогда понимается под *обычными* людьми? Что значит тот факт, что эксперты посчитали нюрнбергских подсудимых морально здоровыми?

Обесмысливание морали изнутри Аушвица, в оптике свидетеля, жертвы, о чем пишет Дж. Агамбен («практически ни один этический принцип, который наша современность, как ей казалось, могла признать действующим, не выдержал главного испытания – *Ethica more Auschwitz demonstrata*¹» [Агамбен 2012, 10]), не так разрушает

ее идею, как допущение, что в пространстве совершающих деяние Аушвица, в механике Аушвица, она играет огромную роль.

Конечно, Аушвиц вызывает ужас и отвержение, и это есть *моральные* данности, но было ли произошедшее коллапсом морали?

Появление понятия нацистской морали

Доминирующее настроение «этики после Аушвица» – осознание обесмысливания и дискредитированности ее понятийного ряда и основных идей, в первую очередь понимания морали. В 1988 г. появляется книга теолога Питера Хааса «Мораль после Аушвица: радикальный вызов нацистской морали» [Haas 1988]. По смыслу к ней при-мыкает работа историка Клаудии Кунц «Нацистская совесть» [Koonz 2003]. Хаас вводит понятие *нацистской морали* (Nazi ethic), разрушая этим представление о морали как о позитивном начале и институте. Хаас и Кунц утверждают: нацистская мораль и нацистская совесть – вовсе не оксюморон. Что произошло с моралью в обществе, ставшем нацистским? При очевидной смене идеологического содержания, все ее формы, всё, что традиционно входит в этические определения морали, идейно опосредует человеческий поступок, сохранилось: нормы, ценности, понятийный ряд, структура оценки – противостояние добра и зла, образы добродетели, наличие именно морально-го идеала человека, моральных чувств, апелляция к совести, справедливости, долгу. Хаас связывает мораль со стремлением и привычкой держаться чего-нибудь, задать ограничения, опереться на что-то заданное, создать и заполнить ценностями и нормами зазор между собой и своим поступком: содержание норм и ценностей может поменяться, но по-прежнему оставаться искомой опорой – такова нацистская мораль.

В 2013 г. в Германии вышел сборник «Идеология и мораль национал-социализма» (*Ideologie und Moral im Nationalsozialismus*), сразу переведенный на английский [Bialas, Fritze (ed.) 2014]. В нем В. Биалас говорит о замене буржуазно-христианской морали на своего рода видовой гуманизм, противостоящий еврейской расово-индифферентной морали разума. Л. Фритце, в свою очередь, утверждает, что нет оснований называть нацистских преступников вне-моральными (даже аморальными) или считать, что они придерживались принципиально иных базовых моральных норм: они совершали преступления в силу некой когнитивной ошибки, по причине несостоятельных вне-моральных убеждений (каковые не содержат в себе ни долженствования, ни ценностных моральных суждений, но в конкретной ситуации влияют на выбор норм и ценностей), – с чистой совестью они нарушали некие когнитивные обязанности.

Дж. Рот – автор «Этики во время и после Холокоста: тень Биркенау», «Провала этики» и других работ – исходит из того, что нацизм воспользовался моральными понятиями и ценностями, и в этом смысле и поэтому правомерно говорить о нацистской морали и нацистской совести [Roth 2005, 82].

Но, как кажется, самым последовательным, и в силу этого наиболее радикальным, является Геральд Вельцер. В статье 2004 г. «Массовое убийство и моральные нормы: некоторые мысли о легко искажаемом вопросе», усомнившись в традиционном утверждении, что «нация поэтов и мыслителей» временно сошла с пути добродетели, он задается вопросом: «А что если преступники не нарушали свои моральные нормы, но скорее в рамках их *Weltanschauung* действовали в соответствии с наивысшими моральными стандартами?» [Welzer 2004, 16]. Исследователи Холокоста введены в заблуждение неясным предположением, что для совершения убийства исходные моральные запреты должны быть преодолены. Идея Вельцера такова: нацистские преступники «были способны убивать именно в силу того, что они были способны воспринимать себя личностями, обладающими неизменной моральной нормой (*moral code*)» [ibid., 16–17]. На этом основана его критика Д. Голдхагена, для которого моральная система нацизма конституируется содержательным наполнением идеи зла. Для Вельцера идея борьбы со злом важна, но недостаточна для того, чтобы человек убивал. Он апеллирует к психологически тривиальной идее: чтобы действовать, нацистским преступникам

важно было оставаться людьми в собственных глазах, отделить себя от исполняемой социальной роли – наделить совершаемое действие личным смыслом и не подорвать чувство моральной идентичности. «Вопрос заключается не в том, как разложение или преодоление моральных запретов может объяснить поведение совершающего преступление, но, скорее, в том, как определенные моральные требования и принципы давали преступникам чувство моральной чистоты, что и позволяло им совершить то, что они совершили... отношение между массовым убийством и моральными нормами имеет характер не несовместимости, но, скорее, взаимной обусловленности. Массовое убийство не могло бы быть совершено вне-моральным (amoral) преступником» [Welzer 2004, 30].

Явленность нацистской морали

Поступок в своем моральном качестве дан самому субъекту лишь изнутри – как единственный способ его бытия, он скрыт от внешнего наблюдателя и не выразим словесно. Но мораль как совокупность идей обнаруживается в языке, в совокупности слов и высказываний, которые интерпретируются нами обычно как моральные, и в эмпирически фиксируемых нравах. Что касается нравов, нацистское общество даже извне (глазами туристов и иностранных студентов) воспринималось более чем комфортным и добропорядочным с точки зрения повседневной морали, оно не виделось разрушенным (см.: [Бойд 2020]). Что касается языка, нацисты чрезвычайно морально многословны: их речи, ответы на вопросах, письма, дневники, воспоминания – всё, написанное для других и для себя (и тут нет явного отличия), насыщено моральной риторикой и озабоченностью моральными проблемами. Массовые убийства совершаются не лишенными моральных ориентиров послушными исполнителями, но людьми, которые озабочены своей душевной качественностью, ориентированы на благо как основание собственных действий, привязаны даже к тем, кто является их узниками (как это было у Хёсса в отношении цыган – «любимых заключенных»), которые «осознают» (поставим это слово в кавычки) происходящее как ужас, «*anus mundi*». В нашем распоряжении есть многочисленные высказывания нацистов, которые могли бы быть восприняты как самые обычные для любого морально вменяемого человека, если вывести за скобки, *что* совершает написавший. Иногда это сужение взгляда прорывается в саморазоблачающей абсурдности слов, например, Хёсса: «Распространение измышлений о совершаемых зверствах продолжилось даже после того, как из-за него были расстреляны сотни, даже тысячи» [Гесс (web)].

Нацисты в массе своей озабочены своим моральным обликом, ориентированы на идеал человека, описываемого главным образом моральными понятиями: Хёсса волнует собственная правдивость, Штрангль признается, что для него самым ужасным местом была раздевалка перед газовой камерой, ибо там приходилось *лгать* жертвам [Russel 2019, 246]. Они и узников оценивают морально: Хёсс почти с дотошностью натуралиста описывает изменения в душе и поведении заключенных, осуждая их за недостойное человека.

Известно, как тщательно велась в нацистской Германии работа по преобразованию языка, и именно в этом Г. Леви видит свидетельство сохранения морали: «...беспокойство о регламентации языка (то есть замене слов, выражающих морально осуждаемое, на морально одобряемые или нейтральные. – О.З.) является еще одним свидетельством того, что сохранились старые нормы морали, из-за чего неприемлемо называть вещи своими именами» [Леви 2019, 268].

Мораль как важнейшая часть механики Аушвица

Обилие моральной риторики и моральных оценок – лишь поверхностная данность, но она предваряет разоблачение морали как важнейшей части механики Аушвица. Мораль здесь выступает во всем многообразии того, что традиционно составляет ее

содержание: Аушвиц вписан в фундаментальную для морали поляризацию добра и зла, основан на идее самоотверженной борьбы со злом ради блага (немецкого народа и человечества). Демонизация евреев, по Хаасу, есть пример нанесения неустрашимого морального клейма, на основе которого разворачивается соответствующий дискурс. Идея борьбы со злом обрастает нормативным содержанием в понятии справедливой войны: «...уничтожение еврейского народа поддерживается принципом справедливой войны – как только евреи признаются “воплощением подлинного зла”, очищение арийского общества от них может осознаться не только как расовая или историческая потребность, но и как моральный императив» [Haas 1988, 30]. В одной из речей (октябрь 1943) Гиммлер говорит: «У нас есть моральное право, у нас есть долг перед нашим народом уничтожить этот народ, который хотел уничтожить нас» [Himmler 1981, 345]. Апелляция нацистов к категорическому императиву очевидна, как бы ни провозглашать ее несоответствие кантовской идее: «Я принял за норму императив Канта, притом уже давно. Я строил мою жизнь в соответствии с этой нормой...», – говорит на допросе Эйхман (цит. по [Ланг 2007, 263]). Э. Факенхейм даже говорит о гитлеризации категорического императива [Fackenheim 1994, xl].

Для Хааса (и не только) форма является идентифицирующим признаком этического – если система выглядит как моральная, если она допускает внутреннее ценностное суждение, то уже в силу этого она является моралью: обеспечивает способ, позволяющий объявить определенные цели хорошими или плохими и оценить определенные поступки как правильные или неправильные. Но нацистская мораль не только по форме, но и в своем содержании не может быть лишена морального статуса: она содержит представления о добродетелях человека, в том числе о добродетелях офицера СС, ничем существенно не отличающихся от их классического набора. В перечне Гиммлера это: верность принципам, солидарность, самопожертвование, верность, мужество и патриотизм, наряду с «сохранением достоинства перед горами трупов» (по его выражению). Хёсс, судя по его записям, озабочен идеей трудолюбия, правдивости, ответственности и добропорядочности. Более того, многие, самые страшные фигуры нацизма были известны той или иной добродетелью. Так, Менгеле спас горящих в танке солдат, создал детский сад для цыганских детей, покупал им игрушки и угощения. Означает ли это, что человек может быть воплощением добродетели в одном и олицетворением зла в другом – значит ли это, что человек морали фрагментарен? Или эта фрагментарность дана лишь оценивающему взгляду извне и не присуща моральному самосознанию? И что означают слова К. Кунц «дорога в Аушвиц была вымощена добродетельностью» [Koonz 2003, 3]?

И по своей формальной структуре, и по ценностному наполнению нацистская мораль выглядит именно моралью². Моралью, которая делает возможным сочетание обычной, «нормальной», ориентированной на личную добродетельность человеческой жизни с несокрытостью ужаса происходящего, с явленностью *предельного убийства*. Руководители лагерей знают, что делают, но альбом Штангля с фотографиями, сделанными в Трешлинке, надписан – «Добрые времена». Врач Кремер пишет в день операции по уничтожению в газовой камере (пишет, как человек культуры): «В сравнении с ней ад Данте показался мне почти комедией» [Kremer (web)]; для него Аушвиц – «ужас из ужасов» [ibid.], «anus mundi». И тут же: «Сегодня после обеда с 3 до 6 часов слушал концерт капеллы узников, была великолепная солнечная погода... На обед была свинина, вечером жареный линь». Признание окружающего ада и обычные человеческие чувства и занятия разделены одной запятой. Именно этот человек, известный ученый, вырезал органы из живых людей. *Рядоположенность убийства и любого другого действия* – вот что, наряду с *превалированием морального обоснования действия над его данностью, целеполагания над самодостаточностью поступка*, позволяет убийце быть «морально здоровым». Субъект нацистской морали провинциализирован: он не централен миру, перифериен, локален.

Для Хёсса, как и для Эйхмана, было важным и очевидным оправданием, что лично он не убил ни одного человека³ (поступок здесь сведен к эмпирическому действию).

Но и организовывавшие убийства тысяч, и собственноручно нажимавшие на курок апеллировали к моральным идеям, к моральной санкционированности и мотивированности своих действий и к самим себе именно как к моральным существам, в результате отличая себя от своих социальных ролей. Все это подводит к пониманию того, что Аушвиц совершился не вопреки, а *благодаря* морали в ее классическом и обыденном понимании. Зигфрид Леффлер, пронацистский германский христианский лидер, в 1936 г. очень ясно выражает эту мысль: «Даже если я знаю, что есть божья заповедь “не убий” или заповедь “возлюби еврея”, так как он тоже дитя вечного отца, я также способен понять, что должен убить его, выстрелить в него, и могу сделать это, только если мне дано произнести “Христос”. С этой точки зрения, разрушение синагог, сжигание свитков Торы, уничтожение “еврейской” этики и мир без евреев и иудаизма были не шокирующими, а морально правильными и крайне необходимыми» (цит. по [Roth 2015, 74]).

И организаторы Аушвица, и непосредственные исполнители (а разведение их в пространстве морали невозможно) опосредуют свое отношение к убийству не только идеей борьбы со злом, но и идеей гуманизма, оправдывая как собственные действия, так и происходящее в целом. Само убийство как данность выведено при этом за рамки выбора и оценки, зато мораль активно вовлечена в то, *как* убийство совершить: важно не что *убивают*, а *как* убивают – если «гуманно»⁴, значит, морально санкционированно. Заповедь «Не убий» преобразуется в «Убей гуманно». Моральная санкция связывается при этом с двумя моментами. Во-первых, с отсутствием личной мотивации к убийству (ненависти, корысти и т.п.): морально санкционированным было «убийство без ненависти» [Леви 2019, 74] – не из идейного и страстного антисемитизма, а из принятия того, «что евреи выходят за рамки... человеческих обязательств и ответственности» [там же, 76]. Во-вторых – с щадящим (как для жертвы, так и для убийцы) способом его осуществления. В. Хельфсготт «утверждал, что он следил за тем, чтобы казни проводились гуманно и без применения жестокости»: “Когда перед нами была еврейская женщина с младенцем на руках, сначала мы убивали женщину, а потом младенца” [там же, 61]. Карл Шульц, с точки зрения нацистов, был зверем: он сначала на глазах матери убивал ребенка, а через день-два – саму мать.

Нужна и «гуманность» в отношении самих убийц – «бремя убийства делили между как можно большим количеством людей, чтобы облегчить его для каждого из них», увеличивали расстояние, пытаясь «свести к минимуму индивидуальную ответственность», решали, что «убийство будут совершать сразу двое: один целился в голову жертвы, а другой – в грудь» [там же, 64], отстраняли слишком молодых или женатых и имевших детей немецких солдат, жертву раздевали, ибо обнаженные тела напоминали животных и так их было «проще убивать» [там же, 73].

Технические «усовершенствования» в деле массового уничтожения, по многочисленным свидетельствам, положительно оценивались нацистами, в первую очередь не благодаря их производительности, а в силу «позитивного морального эффекта» и для жертв, и для самих исполнителей. Так, Хёсс и Эйхман «вдохнули с облегчением» после испытания газовой камеры: «...меня это удушение газом успокоило... теперь я успокоился: все мы будем избавлены от кровавых бань, да и жертвы до последнего момента будут испытывать щадящее обращение...» [Хёсс (web)]. Выбор, сделанный в пользу газовых камер, отвечал именно моральной чувствительности этих палачей.

Само убийство нередко рассматривается нацистами как благое деяние, избавляющее жертву от страданий: Р. Хюппнер предлагает Эйхману избавиться от евреев по гуманным соображениям – иначе они будут страдать от голода [Velleman... 2015, 9]. И медицинские эксперименты в Бухенвальде были «разумеется, в интересах человечества, а в конечном итоге, в интересах самих заключенных» [ibid., 62]).

Не только уничтожение миллионов обосновывалось моральными аргументами, но и индивидуальное действие имело объяснение морального свойства. Так, слесарь К. Браунинг на допросе после войны говорит: «Мой сосед застрелил мать, а я –

ее ребенка, потому что я рассудил про себя, что в конце концов без матери ребенок не сможет дальше жить. Это должен был быть, так сказать, выстрел по велению совести, ради избавления детей, которые не могли жить без своих матерей» [Леви 2019, 77]. «Выстрел по велению совести» – одна из доминант нацистской морали.

Повторим: убийство как данность выведено за скобки – важно не что *убивают*, а как убивают («Совесть Эйхмана протестовала против любой мысли о жестокости, но не против мысли об убийстве» [Арендт 2013, 75]): отсюда доминирование представления, что убийства можно дифференцировать с моральной точки зрения, причем в невероятно широком ценностном диапазоне: от убийства как морального императива (в борьбе со злом, в справедливой войне и т.п.) до «непотребного убийства» (цит. по: [Леви 2019, 168]), разлагающего убийцу и причиняющего ему травму. Эта дифференцированность делает возможным сочетание самых высоких добродетелей, сознания чистоты своей совести, озабоченности своим моральным обликом и участия в массовом истреблении людей – не в силу подчинения приказу сверху, не бес-субъектно, но именно на основании присвоения себе права сделать допустимостью убийства предметом рассмотрения своего разума (ссылающегося на высшие моральные цели, приказ, социальные обязательства, на обстоятельства). И именно существование нацистской морали (не позволяющей, например, жестокость) позволяло вывести массовое убийство из поля недопустимого: «Легкость, с которой притуплялась совесть, была прямым следствием того факта, что дозволено было как раз не все» [Арендт 2013, 75].

Индивидуальная моральная чувствительность нацистов сочеталась с этизированнойностью всего общества, отдававшего приоритет морали, например в судебной практике в форме приоритета моральности личности перед деянием, что устанавливало парадигму разрыва между человеком морали и поступком, позволяющую считать добродетельным совершающего убийство правильно («гуманно») и, наоборот, не вменять убийство тому, кто признается добродетельным. Убийство как данность здесь выводится за скобки: наказать можно, по словам судьи Моргена, не за попрание права человека на жизнь, но лишь, скажем, за осквернение звания офицера СС, то есть за коррумпированность или несанкционированную жестокость.

Массовые убийства в концлагерях и беспокоят нацистов тем, что коррумпируют и разлагают немцев: «Эта ужасная атмосфера с необходимостью подрывала всю мораль и, как тысячеглавая гидра, порождала еще большее преступление» [Velleman, Pauer-Studer 2015, 90], – под «большим преступлением» судья Морген имеет в виду как раз коррупцию и подобные ей грехи: само убийство, как уже говорилось, выведено за рамки морали, подобно тому, как оно заключено в скобки в пространстве войны.

В абсурдном, немислимом стремлении убийцы быть добродетельным Аушвиц доводит до предельной ясности нерядоположенность *не-убийства* всему содержанию морали, ибо стремление не лгать, не красть и т.п., а также справедливость, совесть, прощение, добродетели полностью обесмысливаются у входа в газовую камеру, разрушенные не морально опосредованной идеей убийства, а убийством как данностью. Нацистская мораль, выступая основой дифференцированной, «качественной» оценки убийства, в силу этого санкционирует убийство как таковое. Она, таким образом, отказывает ему в абсолютном моральном отвержении, делает его морально нейтральным, эмпирическим фактом, допускающим разные оценки. Если мораль устанавливает принципиальное отличие убийства ради блага другого от убийства из корысти, садизма и т.п., если для нее противоположны убийство невинного и преступника, если мотив убийства играет для нее решающую роль, то это и означает, что она санкционирует насилие. Моральная «качественность», дифференцированность убийства и его полное выведение из области морально видимого совпадают по существу. Как только мораль полагает себя выше события убийства (убийства как данности) и замыкает его на себя, она обеспечивает его вписанность в человеческую жизнь. И в этом качестве она есть важнейший элемент механики Аушвица.

Нацистской морали не противостоит иная мораль

Для нацистов морально-правовые понятия очевидно содержательны – тогда как для узников они обесмыслены и непроизносимы. Хотя нацистская мораль захватывает и мир жертв нацистов. Об этом говорят Жан Амери, Рауль Хилберг, Амос Голдберг, Бруно Беттельхейм. Вот свидетельство узника гетто: «...мы принимаем его (нацистского преступника) идеологию и следуем его путями» (Goldberg 2017, 214). Беттельхейм говорит о детскости сознания жертв, приходящих к признанию ценностей гестапо как своих, Амери – о принятии нацистских ценностей как о необходимом условии взаимодействия с палачами, то есть выживания [ibid., 221]. В гетто жертвами воспринимается, по свидетельству Каплана, нацистский взгляд: «ты почти начинаешь верить, что эти люди заслуживают того, чтобы господствовать над всем, и имеют мужество и силу (authority)» [ibid., 220]. Преступник и жертва оба называют Аушвиц «*anus mundi*», руководствуются одними моральными идеями – например, выбором меньшего зла, толкающего самих жертв к соучастию в происходящем: так, Хаим Румковский организует отправку жителей гетто в лагерь смерти с «искренним желанием продлить жизнь остальных» [ibid., 217]. По словам Арендт, «аргумент “меньшего зла”... неотъемлемый элемент в аппарате террора и преступлений» [Арендт 2013, 69], но он еще и общий для убийцы и его жертвы элемент, приводящий их друг к другу. Моральное осуждение со стороны нацистов резонирует с тем, что выжившие винят себя, утверждая, что уцелели худшие (П. Леви). В «серой зоне» всеобщего соучастия (П. Леви) грань между преступником и жертвой размыта. Взгляд, ищущий мораль, обнаруживает лишь мораль нацистскую, которой противостоят моральная опустошенность и безмолвие Аушвица: бывшие узники, свидетели на судах, не обращаются к морали, не пользуются ее словами и оценками. То есть никакая идейно развернутая «иная» мораль не противостоит в этом социуме нацистской.

Более того, *действительно противостоящее* нацистской морали, отрицающее Аушвиц – *поступки «спасателей»* (Нехама Тек) – не есть мораль в понятийно развернутом смысле: это единичные акты спасения, поступки, не опосредованные ни идеей, ни нормой (известны случаи, когда евреев спасали убежденные антисемиты), это даже не героические деяния, ибо само понятие героизма приватизировано моральной идеологией нацизма.

Не-убийство: поступок вне запретов и норм

Какими бы далекими от моральных запретов и норм ни были человеческие поступки на всем протяжении истории, это не подрывало высокий образ морали, представления о ее регулятивной значимости, а также ее способность защитить человека от саморазоблачения. Формальная заданность морали, то есть ее «ценность» при содержательной неопределенности, доминирует не только в ее теоретическом описании, но и в ней самой. Например, и нечистая совесть, и чистая совесть принадлежат морали: для представления человека о себе важно наличие самой совести. Так же важно само наличие нормы, а не ее содержание: именно в силу этого в Декалоге и Нагорной проповеди запрет на убийство рядоположен тем запретам, которые, по выражению Арендт, можно преступать и прощать по сто раз на день. И другие «морали» сосуществовали с широчайшей практикой санкционированных обществом убийств (войн, смертных казней, убийств во спасение). Аушвиц есть кульминация этой истории: здесь мораль выступает не только критическим наблюдателем человеческих действий или же способом самообольщения человека, но активной и необходимой составляющей Аушвица. Остается или принять понятие морали как соучастника, или положить не-убийство в основу морального мышления, превратив понятие нацистской морали в оксюморон.

В основе нацистской морали лежит разрыв между человеком и его поступком, лагуна, заполняемая моральной идеологией. Разведение поступка и совершающего его

ведет к приоритету морального самочувствия человека и его человеческой качественности, не только независимых от его поступка, но стремящихся к оторванности от него, когда, что бы человек ни делал в силу своей принадлежности социуму, это не задает его как моральное существо. Убивать в борьбе со злом, оставаясь моральным существом и не становясь убийцей – такова задача, поставленная и решаемая нацистской моралью. Франц Штангль, комендант Треблинки, переживает вину за излишнее унижение жертвы и гордится, что разрешил личному повару проводить отца на смерть. Под его руководством в лагере уничтожен миллион человек, но он видит себя через призму множества добрых дел и моральных переживаний, сохраняя для себя как морального существа право и способность судить, а значит, и убивать в борьбе со злом. Ответственность за убийство возлагается на само зло: нацисты «ненавидели евреев за то, что те заставили их участвовать в выполнении гнусной задачи убивать их» [Леви 2019, 157].

Аушвиц как предельная данность убийства делает понятие нацистской морали оксюморон: абсолютная невозможность убийства вне опосредований любого рода и есть идея морали, которая не может быть нацистской, – это не формальное, не структурное, и даже не нормативное, не императивное, а содержательно-констатирующее определение. Аушвиц есть безмолвный жест, указывающий на мораль как на то, что не может быть принято на основе рационального дискурса. Это значит, что надо попытаться помыслить запрет на убийство не как часть нормативной системы морали, не как запрет, рядоположенный другим запретам или предписаниям, – надо вывести запрет на убийство и саму идею убийства из понятийного ряда морали, помыслить его во всей его первичности и абсолютности не как порождение морали, ее ценностей, нормативности и умозаключений, не как вывод разума, не как опосредованный человеческой рациональностью, не как норму или предписание не убивать. Это не запрет-указание, в отношении которого возможно рассуждение и рациональный выбор, но утверждение некоей реальности – человек не может убивать точно так же, как он, по своей природе, не может летать. Эта реальность исключает рациональное рассмотрение ситуативной оправданности убийства ни в его направленности на благо, ни в его немотивированной внешней детерминированности. Важнейший вывод Арендт и Баумана – моральность есть сопротивление социальности, социальность манипулирует нравственной способностью, а не производит ее [Бауман 2013, 211–212]. Поэтому Бауман ищет «досоциетальные источники морали». Отвержение понятия нацистской морали замыкает идею морали на *не-убийство* как до-вне-моральное начало, к которому не ведет дискредитированный теоретизм, которое не имеет дискурсивных форм выражения и не может быть запретом-нормой, предполагающей человеческий выбор. Не-убийство можно понять как абсолютный начальный поступок, делающий нацистскую мораль и Аушвиц невозможными и немислимыми. Он есть основание человеческого бытия, мышления и поступания в их тождественности.

Понятие убийства как данности и Аушвиц как его предельность принципиально не ситуативны, анти-ситуативны. И философия, задающая мир в целом, как самодостаточное мышление человека единственного-центрального этому миру выражает отказ от логики и содержания ситуативной эмпирии, не выводит мир из интересов и задач эмпирически наблюдаемой жизни, но полагает его из абсолютного основания, каковым является не-убийство. Наверное, возможны различные теоретические ответы на вызов Аушвица, но моральный философ (и сама мысль как поступок) начинается с того, что он *не убивает*, а это означает, что задаваемый им мир в его целостности есть тот мир, в котором не убивают.

Примечания

¹ Этики, доказанной Аушвицем (*лат.*) – по аналогии с работой Спинозы.

² Так, попытка описать нацистскую мораль, которую делает Норберт Элиас в работе “*Studien über die Deutschen*” (1989), выделяя в качестве ее основы военно-аристократический идеал,

возвышение идеи чести, принятие иерархического неравенства людей, в котором высший одновременно является и лучшим, вписывает ее в ряд разнообразных исторических систем ценностей.

³ На вопрос Леона Голденсона, не расстраивает ли его убийство стольких людей, Хёсс ответил: «Я думал, что поступаю правильно... Не знаю, что вы подразумеваете под расстройством из-за этого, потому что я лично никого не убил» (цит. по [Леви 2019, 137]).

⁴ В главе «Нацистские поиски “гуманного” способа убийства» Н. Рассел реконструирует четыре требования, выполнение которых, на взгляд нацистских идеологов, юристов и морализаторов, делает убийство «гуманным», то есть не только ненаказуемым, но и должным. Эти требования таковы: жертвы не должны знать о том, что они сейчас умрут; у совершающих убийство нет необходимости прикасаться к жертвам, видеть и слышать умирающих; вызывающее смерть действие должно оставлять минимум следов на телах жертв; смерть должна быть мгновенной [Russell 2019, 241].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Адорно 2003 – Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003 (Adorno, Theodor W., *Negative Dialektik*, Russian Translation).

Арендт 2013 – Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение / Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 47–82 (Arendt, Hannah, *Personal Responsibility Under Dictatorship Title*, Russian Translation).

Бауман 2013 – Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа; ИД КДУБ, 2013 (Bauman, Zygmunt, *Modernity and the Holocaust*, Russian Translation).

Гесс (web) – Гесс Р. Комендант Освенцима. Автобиографические записки Рудольфа Гесса / Пер. с нем. Ю. Чижова. URL: http://samlib.ru/c/chizhow_j/new-hoess.shtml (Höss, Rudolf, *Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen*, Einl. Komm. Broszat, Martin, Russian Translation).

Ланг 2007 – Ланг Й. Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле. М.: Текст, Лехаим, 2007 (Lang, Jochen von, *Das Eichmann-Protokoll: Tonbandaufzeichnungen der israelischen Verhöre*, Russian Translation).

Himmler (1981) “Speech by Himmler Before Senior SS Officers in Poznan, October 4, 1943”, *Documents on the Holocaust, Selected Sources on the Destruction of the Jews of Germany and Austria, Poland and the Soviet Union*, Document No. 161, pp. 344–345, Yad Vashem, Jerusalem.

Kremer, Johann Paul (web) *SS Doctor at Auschwitz. Diary – Selected Extracts*, URL: <http://www.holocaustresearchproject.org/othercamps/auschkremerdiary.html>

Ссылки – References in Russian

Агамбен 2012 – Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.

Бойд 2020 – Бойд Дж. Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов. М.: Эксмо, 2020.

Зубец 2020 – Зубец О.П. Как мыслить совершившему немислимое? // Философский журнал. 2020. № 2. С. 19–34.

Леви 2019 – Леви Г. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М.: АСТ: ОГИЗ, 2019.

References

Agamben, Giorgio (2012) *Homo Sacer. Quel che resta di Auschwitz: L'archivio e il testimone*, Izdatelstvo “Evropa”, Moscow (Russian Translation).

Bialas, Wolfgang, Fritze, Lothar, eds. (2014) *Nazi Ideology and Ethics*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, United Kingdom.

Boyd, Julia (2020) *Travelers in the Third Reich: The Rise of Fascism Through the Eyes of Everyday People*, Eksmo, Moscow (Russian Translation).

Fackenheim, Emil (1994) *To Mend the World*, Indiana University Press, Bloomington.

Geddes, Jennifer L., Roth, John K., Simon, Jules, eds. (2009) *The Double Bind of Ethics after the Holocaust*, Palgrave-MacMillan, New York.

Goldberg, Amos (2017) *Trauma in first person: diary writing during the Holocaust*, translated from Hebrew by Shmuel Sermoneta-Gertel and Avner Greenberg, Indiana University Press, Bloomington, Indiana.

Haas, Peter J. (1988) *Morality after Auschwitz: The Radical Challenge of the Nazi Ethic*, Fortress Press, Philadelphia.

Koonz, Claudia (2003) *The Nazi Conscience*, Harvard University Press, Cambridge.

Levi, Gunter (2019) *Perpetrators: The World of the Holocaust Killers*, AST; OGIZ, Moscow (Russian Translation).

Roth, John. K. (2005) *Ethics During and After the Holocaust: In the Shadow of Birkenau*, Palgrave Macmillan, New York.

Roth, John K. (2015) *The Failures of Ethics. Confronting the Holocaust, Genocide, and Other Mass Atrocities*, Oxford University Press, Oxford.

Russell, Nestar (2019) 'The Nazi's Pursuit for "Humane" Method of Killing', *Understanding Willing Participants*, Vol. 2, Palgrave Macmillan, New York, pp. 241–276.

Velleman, J. David., Pauer-Studer, Herlinde (2015) *Konrad Morgen: The Conscience of a Nazi Judge*, Palgrave Macmillan, New York.

Welzer, Herald. (2004) "Mass murder and moral code: some thoughts on an easily misunderstood subject", *History of the human sciences*, Vol. 17, No. 2/3, pp. 15–32.

Zubets, Olga (2020) "How to think having done the unthinkable?", *Philosophy Journal*, Vol. 2, pp. 19–34 (in Russian).

Сведения об авторе

ЗУБЕЦ Ольга Прокофьевна –
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии РАН.

Author's Information

ZUBETS Olga P. –
CSc in Philosophy, Senior Research Fellow
at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences.